

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Д.М. ХРЕНКОВ

ЧТОБЫ написать о Михаиле Дудине, мне не обязательно перечислять его книги. С его стихами я давно живу как с верными спутниками. Некоторые запомнились еще во время войны, другие, оставаясь фактами личной биографии поэта, стали и вехами наших собственных, то есть биографий его друзей, однополчан: поэт, рассказывая о себе, рассказывал о поколении. Рождение третьих я наблюдал во время наших многих совместных поездок — на Север, в Михайловское, в Башкирию. Некоторые воспринимались как реплика в спорах, которые вот уже сорок лет идут меж нами по разным вопросам, идут, не мешая дружбе, а делая, скорее, ее содержательнее. Я особо подчеркиваю мысль о спорах, ибо в нашем общем литературном обиходе мы стали уж очень редко говорить друг другу то, что думаем, спешим умиротворять и умиротворяться там, где нужно слово пусть резкое, но способное заставить задуматься, взглянуть критически на то, что вышло у тебя из-под пера.

Михаил Дудин наделен редким умением «делать стихи». Ода ли, лирическая миниатюра, венок сонетов, поэма, публицистика, сатира — все доступно ему, все вошло в его книги, свидетельствуя о незаурядном таланте автора.

Сказав это, я вовсе, повторяю, не хочу заверить читателя, что безоговорочно принимаю все написанное Дудиным, не вижу тех мест, где поэт только прикоснулся к решению поставленных задач, просто ограничился декламацией.

Правда, Николай Тихонов как-то сказал мне, что на неудачах Дудина инстинктивно мог бы составить себе имя. Видимо, такова природа поэзии, что она не может быть одним сплошным взлетом. Но как только поэт пытается уподобиться планеру и начинает парить, то есть использовать «воздушные течения», рожденные прежде написанными строками, тут чаще всего снижается уровень, качество его работы. К сожалению, наша критика перестает замечать эти недостатки у хороших поэтов. Я что-то не припомню статей, посвященных разбору их неудач. Критикуем мы больше графоманов, где все — как на ладони.

Мне кажется, и я в числе других повинен в том, что крайне робко говорил ему о том, что «всезядность» мешает ему, что звонкопись оборачивается пустотой, что, наконец, талант мерится не количеством выходящих книг, а качеством написанного. Поэт редкой эмоциональной чувствительности, сопричастности происходящему в мире, он нет-нет да увлечется лишь обозначением темы, откликом, решением чисто технической задачи, а, забывшись в философские дебри, хранит себя от царапин, неизбежных, когда продираешься по бездорожью. Так порой колесо вхолостую прокручивалось в венке сонетов «Орбита», в иных песнях-поэмах, хотя среди них есть превосходные («Песня моим комиссарам», «Песня Вороньей горе», «Песня дальней дороге»). Каждая из них близка к героическому жанру, тому, что

...ЧЕМ ДУША БОГАТА

издавна в русской поэзии называлось не словом «песня», а «песнь». Дудин раздвинул границы жанра, и в этом его несомненная заслуга. Но, случалось, эмоциональному всплеску не хватало надежной стартовой площадки, то есть равной по силе мысли. Видимо, Дудин и без нас почувствовал этот недостаток. Последние его стихи свидетельствуют, что он все осторожнее подходит к оценке эмоции как изначальной повода для того, чтобы взять в руки перо, больше сдерживает себя, пока первоначальный движитель чувства не повлечет за собой развитие мысли.

Именно это все больше привлекает внимание к его стихам, хотя многие из нас, помнящие Дудина еще солдатом и офицером, знают, что в «Соловьях» была как раз соблюдена гармония мысли и чувства. Недаром это стихотворение вошло в золотой фонд нашей лирической поэзии, стало в один ряд с «Жди меня» Симонова, «Я убил подо Ржевом» Твардовского, «Его зарили в шар земной...» Орлова и других.

Я не случайно заговорил о «Соловьях». Здесь с наибольшей полнотой проявился редкий дар поэта — зоркость, стереоскопичность его зрения. В самом деле, в минуту смерти друга поэт успел заметить и то, как «ландыш, приподнявшись на носок, заглядывал в воронку от разрыва», и то, как «цветет на минном поле земляника», и то, что вот-вот «задымится сирень клубами фиолетового дыма». Торжество расцветающей природы находится в диалектическом противоречии с обычной трагедией войны, столкновение высветляет в сердцах читателя свет, необходимый для озарения, понимания философии стихотворения, выраженной с предельной и жестокой откровенностью:

Я слышал смерть
во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим
потом.

Не хочу умалять заслуг других поэтов из славного фронтового поколения. Но справедливости ради нельзя не заметить, что от дудинских «Соловьев» повели свои песни многие поэты. Балладный строй, как бы дремавший в пирамиде, где хранится боевое оружие, при усилении Дудина вместе с другими поэтами-фронтовиками снова показал силу своего воздействия. В «Соловьях» ярко проявились присущие Дудину черты его поэтического характера. Это прежде всего памятность. Она звучит на разные лады во многих стихах и поэмах. Он не просто не забывает павших. Мысль его глубже:

Хочу, чтоб мысль
и кровь друзей моих
Вошли в суровый
откровенный стих,

Чтоб он неправдою
не оскорбил
Торжественную тишину
могил...

Стихи не о прошлом, а выражают сегодняшнюю линию поведения поэта, его кредо. Чувство ответственности перед однополчанами живет во всем, что пишет Дудин, живет так же результативно, как и тогда, когда он откладывал поэтические замыслы и помогал найти друг друга участникам обороны полуострова Ханко, когда выступал в числе инициаторов сбора средств на сооружение памятника героическим защитникам Ленинграда, на возведение по линии обороны города 200-километрового парка.

Дудин — естественный певец родной природы. Поэт отчетливо понимает, что ему даны самые высокие права на лучшие в мире слова, и хочет употребить их для того, чтобы земля была еще прекраснее. Он, словно садовник, все время выискивает точки для приложения своих сил. Энгельс говорил, что природа — пробный камень диалектики. Но в наше время технического прогресса, активного вторжения человека в космос, в нехоженую тайгу и тундру природа становится пробным камнем и поэзии. Поэты теперь не только слагают гимны поэзии. Их души, как самые чуткие сейсмические приборы, первыми подают сигналы: «Внимание! Возникает опасность для земли, на которой мы живем!» Дудин несет эту службу с рвением и неуныпностью. Он убежден, что на земле нет нейтральной полосы, не существует места, где можно было бы отсидеться, стряхнуть со своих плеч принесенный за гривдевать землю серый пепел Хиросимы.

Давным-давно Дудин написал стихотворение «Сей зерно!». В нем с наибольшей полнотой проявилась его любовь ко всему окружающему, кормящему нас и восхищающему взор. Но восхищаться не означает предаваться созерцанию. Сеятель всегда активен. Ему, может быть, больше, чем кому-либо другому, дано одно из редчайших чувств — чувство удивления, вера в чудеса превращения зерна в колос, наполненный новыми зернами.

С той самой минуты, когда будущий поэт босоножим мальчонкой впервые ступил на теплую ивановскую землю в деревеньке Клевнево, услышал пенье иволги и запах грав за рекой Молохотой, волшебство природы стало приобщать его к своим богатствам и тайнам. И первые стихотворения были об этом. Чувство восхищения живет и в только что написанных стихах. Оно не поубавилось, а мыслям в них стало просторнее, как, скажем, в стихах, написанных на Северном полюсе, где поэт побывал недавно, откуда Земля открылась ему в новом ракурсе

них — «Полюс», чувствуешь, что они, эти единомышленники, вместе с ним склонялись над чистым листом бумаги. Нам передается партийное понимание задач отношения к окружающей миру:

Берегите будущего ради
Это слово из моей тетради.
Все дарю!
И все от вас приемлю!
Только
Берегите
Эту
Землю!

Навязчиво? Нет, разве может тема набить оскомину, когда речь идет о том, чем станет земля нам и нашим внукам — мачехой или доброй кормилицей? Писательская забота Дудина сливается со всем, чем он занимается как общественный деятель, депутат Верховного Совета РСФСР, председатель ленинградского Комитета защиты мира.

Множество вопросов со всех сторон обступают его. Обступают, потому что он идет им навстречу. Они не дают ему спать по ночам, порой мешают зрелой строке лечь на бумажный лист. С каждым днем жизнь становится сложнее, и надо ли судить поэта за то, что он не всегда находит решение, годное на все случаи жизни? Он все чаще прибегает к читателю к своему поиску. Может быть, порой в стихах оседают издержки исканий. Но мне интересно и то, как он «мнет глину», а для молодых поэтов это еще и поучительно.

Было время, когда Дудин, так прекрасно вступивший в литературу с книгами «Фляга», «Костер на перекрестке», «Дорога гвардии», увлекшись гладкописью, на какое-то мгновение начал утрачивать локтевую связь с читателем. Он вовремя почувствовал опасность и сумел, отмахнувшись от назойливых похвал, развить наиболее сильные стороны своего дарования. И тут помог ему читатель, скорее — вера в него. Он сам об этом написал в нескольких стихотворениях, в том числе таком превосходном, как «Старый журавль». В основу его положена легенда, будто молодые ласточки во время своих перелетов отдыхают на спинах журавлей. Есть в этом стихотворении пронзительность откровения, обостренность мысли, без которой истинная поэзия невозможна.

Кто ты? Легкая ласточка, сбивая ночью с дороги.
Острым крыльям твоим
встречный ветер осилить
нечужд.

Равнодушные звезды далеки
и чудны тревоги,
Шторм под ними гремит,
и кипит океанская ночь.

Хлещут волны внизу и соленой
кидаются пылью.
Будь спасеньем моим,
прижмись плотнее к плечу.

Пусть доверие твое к моему
прикоснется услию:
Я спасу тебя, слышишь, и
сам до гнезда долечу.

Трагедия входит в стихи Дудина. Поэт не ищет галиманов, как делал когда-то. Душа его закалилась в испытаниях. Может быть, он не стал философом, хотя все больше испытывает тягу к тому, что мы называем философской лирикой. Но, думается, избрано верное направление. Важно на этом пути не растеряться, чем богата его душа.

ЛЕНИНГРАД

На снимке: Михаил ДУДИН.